

РОССИЯ НА ЗАПАДЕ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ

ЕГОР ЯКОВЛЕВ
АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН

Егор Яковлев

**Россия на Западе:
странные сближения**

«Питер»

2023

Яковлев Е. Н.

Россия на Западе: странные сближения / Е. Н. Яковлев —
«Питер», 2023

ISBN 978-5-00116-941-3

Перед вами не очередная краеведческая книга о Калининградской области. Это литературный мини-сериал о том, как в отдельно взятой иностранной провинции протекала большая история России. Петр Великий приезжает сюда инкогнито, чтобы вести кулуарные переговоры с прусским герцогом и учиться артиллерийским наукам, Суворов вступает в масонскую ложу, Григорий Орлов конвоирует пленного адъютанта Фридриха Второго, Багратион, Барклай и Денис Давыдов бьются с войсками Наполеона, Достоевский скорбит о неразделенной любви, Ленин обдумывает создание революционной организации, а Твардовский завершает «Василия Теркина». Под пером историка Егора Яковлева и писателя Александра Цыпкина главными героями на пространстве, некогда бывшем Пруссией, становятся русские, вершащие здесь судьбу своего Отечества.

ISBN 978-5-00116-941-3

© Яковлев Е. Н., 2023

© Питер, 2023

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	7
Эпизод первый. Царь в Королевце	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Егор Яковлев, Александр Цыпкин Россия на Западе: странные сближения

© ООО Издательство "Питер", 2023

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

* * *

Благодарности

Авторы благодарят Центр исследований исторической памяти БФУ им. И. Канта за прочтение книги и в высшей степени компетентные, глубокие и деликатные комментарии. Они помогли сделать книгу гораздо лучше!

Отдельная наша признательность за ценные замечания одному из лучших калининградских историков, кандидату исторических наук Константину Петунину!

Также великое спасибо друзьям «Цифровой истории»: кандидату исторических наук Юрию Бахурину, историку Сергею Махову, историку Борису Мегорскому, – потрясающим специалистам, которые ознакомились с текстом на этапе создания и дали важные советы.

Предисловие

Иногда мне кажется что Бог все-таки писатель (на самом деле программист, но мечтать же я могу?). Почему я сделал такое предположение? Да потому, что иногда судьбы исторических персонажей так искусно переплетены, что решительно отказываешься верить в случайность совпадений. В истории земель, которые ныне составляют нашу Калининградскую область, таких узлов на несколько лихо закрученных сериалов.

Этими сюжетами я заинтересовался исключительно по причине туристической лени. Оказавшись первый раз в Калининграде по делам, я решил заодно посетить какую-то местную достопримечательность. Одну. Чтобы маме отчитаться. Читать о регионе не хотелось, слушать экскурсии тем более: нужно было что-то быстрое и приемлемое для мамы. И разумеется, я пошел на могилу Иммануила Канта – а куда, казалось бы, еще тут идти? В центре, удобно, брендово. К тому же не в каждом городе автор категорического императива¹, который ты сдавал на университетском экзамене, лежит вот так, в общем доступе, можно сказать, автографы раздает. Подходи, вызывай дух и мучай вопросами о мироустройстве.

Чтобы не скучать, я начал писать в мессенджере своему другу Егору Яковлеву, надеясь получить от него короткие и емкие комментарии относительно биографии философского светила.

Когда-то давным-давно по субботам в полупустом зале питерской Капеллы на утренних концертах классической музыки сидели два мальчика. Одним из них был я, а другим – Егор. И меня, и его родители с изрядной настойчивостью приучали к прослушиванию Чайковского и Шопена. Правда, познакомились мы значительно позже, но ленинградская закваска быстро нас подружила. Егор стал известным историком и, что немаловажно, блогером (говорю без тени сарказма, ведь умение доносить свои знания до публики – навык чрезвычайно ценный). Его «Цифровая история» – лучший в России проект исторического просвещения, и теперь по каждому туманному историческому вопросу я адресуюсь к нему. Он или сам интересное расскажет, или что-то умное почитает посоветует.

Немудрено, что, направляясь к Кафедральному собору, где покоится кенигсбергский гений, я вступил с Егором в оживленную переписку. Среди прочего поделился таким умозаключением:

– Знал бы Кант, что местом его вечного покоя станет другая страна, в которой философ и не бывал-то никогда. А тут вдруг раз – и он слушает «Маяк» прямо в собственной могиле.

– Ну, вообще-то, бывал. Он же присягал русской императрице. И даже писал нашей Елизавете Петровне прошение о занятии кафедры в Кенигсбергском университете.

– ???

– Восточная Пруссия четыре года была под русским управлением, фактически нашей провинцией.

– Да?!

Позорно, конечно, считать себя образованным человеком и так откровенно провалиться. Начал думать, как выпутаться. На что свалить: на амнезию или на плохое воспитание, сопряженное с детской травмой? Пока думал, услышал следующее, зовущее в архив:

– Это еще что: в то же самое время в Кенигсберг приезжал молодой Суворов. Его папа был губернатором занятых земель. Хотя прямых свидетельств нет, но теоретически он мог видеть Канта. Или хотя бы слышать о нем.

На этом месте я окончательно разочаровался в своей эрудиции. Что, впрочем, неважно: если ты чего-то не знаешь, всегда можно узнать.

¹ Категорический императив – понятие философии Канта, обозначающее высший нравственный закон.

Интересней другое: меня как сценариста зацепили эти неожиданные, странные сближения. Суворов, Кант, Елизавета. Каким еще калининградским сюжетом, объединяющим такие разные фигуры, можно порадовать маму?

Спустя двадцать минут таких историй накопилось в избытке. Наша переписка превратилась в любопытную игру: мы выделяли хронологический период в прошлом янтарного края и набирали в него русских героев, которые здесь воевали, интриговали, любили, проклинали, путешествовали, жили и умирали. Иногда они пересекались друг с другом – или со знаменитыми европейцами; иногда проходили мимо, не заметив поблизости других героев, которых мы знаем со школьной скамьи. Через биографии, связанные с Кенигсбергом-Калининградом и окрестностями, мы постепенно соткали полотно о русской истории, протекавшей в отдельно взятой иностранной провинции. А под конец решили, что было бы просто преступно не превратить наш замысел в книгу. И вуаля, вот она.

Александр Цыпкин

Эпизод первый. Царь в Королевце

Внимательный взгляд быстро обнаруживает незримые нити, связывающие янтарный край с прошлым большой России. Первая из них протянулась от статуи Петра Великого возле Калининградского кафедрального собора. Юный царь опирается на руль ботика потешной флотилии, оригинал которого можно видеть в музее села Веськово близ Переяславля. Кто-то может сказать, что в этом месте был бы уместнее не «переславский Петр», а, скажем, Петр времен Великого посольства, посетившего Кенигсберг, но отсылки к истории зарождения русской морской славы в Калининграде вполне логичны. Ведь сегодня именно здесь находится штаб Балтийского флота, любимого детища государя, путь к которому начинался далеко к востоку отсюда, на Плещеевом озере, в начале 90-х годов семнадцатого века.

Собственно кенигсбергские приключения Петра начинаются позже, в 1697-м, когда монарху уже двадцать четыре: он неопытен, слишком порывист, временами безрассуден. Он еще не великий, хотя знаменитый уже весьма.

Славу царь заслужил громкой, прозвучавшей на всю Европу победой над турками. Менее года назад его войска взяли крепость Азов, которая считалась неприступной, и тем пробили для России выход к южному морю, утраченный много столетий назад. Энергичный правитель-полководец из далекой страны стал предметом разговоров, расчетов, надежд и опасений в кругах европейских столиц. На волне неожиданного триумфа посланный в Вену дипломат Козьма Нефимов склонял императора Священной Римской империи Леопольда I к наступательному союзу против Стамбула и был близок к успеху.²

За военными делами часто забывается факт огромного политического значения: зимой 1696 года в тридцатилетнем возрасте мирно скончался «старший» царь Московского государства – больной, почти парализованный Иван V, с которым его младший сводный брат Петр до сей поры делил трон. Хворый государь не оставил мужского потомства, и это устранило опасную перспективу конкуренции за престол, вроде бы заложенную самим фактом двоецарствия. На Руси остался только один правитель, который четко знал, чего он хочет, и уже приступил к достижению своих целей.

30 октября 1696 года Боярская дума постановила: «Морским судам быть...», дав официальное начало регулярному русскому флоту. На отбитом у турок берегу Азовского моря по приказу царя уже стали оборудовать гавань и планировать крепость, из которой позже вырастет Таганрог. 22 ноября 1696 года Петр подписал указ об отправке дворянских детей на обучение за границу.

Но это был только дебют. Далее Петр Алексеевич затеял нечто совершенно небывалое. Впервые за всю историю Русского царства государь решил покинуть пределы своей богоспасаемой державы и отправиться к иноземцам сам. Некоторые подданные в тот момент его не очень поняли и вдвойне не поняли потом, после возвращения, когда он, насмотревшись на европейские порядки, усилил свои знаменитые реформы: иным было совершенно дико, что царь приказал брить бороды, носить европейское платье и вообще уподобляться проклятым немчинам. Наш человек, ясное дело, так поступать не мог. Отсюда широко разошедшийся слух: царь ненастоящий, подменили его в чужих краях! Некоторые так считают до сих пор, но мы не из их числа.

Предприятие, которое организовал Петр, именовалось Великим посольством. Официально его возглавлял близкий друг царя Франц Лефорт, швейцарец с прекрасными манерами, обаятельный и остроумный франт. Он был своего рода лицом делегации и выполнял предста-

² Австрия к моменту посольства Ефимова воевали с турками уже больше 12 лет, но речь шла о совместных согласованных действиях.

вительские функции. Собственно же дипломатическая работа возлагалась на двух петровских сподвижников, уже имевших посольский опыт: Федора Алексеевича Головина, который заключил важный Нерчинский договор с Китаем, и Прокофия Богдановича Возницына, в 1681 году убедившего турецкого султана отказаться от претензий на Украину. Сам государь присутствовал в посольстве инкогнито, но нельзя сказать, что совсем тайно. Просто официальное прикрытие – личина урядника Преображенского полка Петра Михайлова – позволяла ему избежать утомительных церемоний и заняться действительно важными для него делами.

Что же это были за дела?

Обычно считается, что ключевая цель Великого посольства – найти новых союзников для борьбы против Турции. Но историк Валерий Возгрин недавно обнаружил в копенгагенском архиве красноречивый документ – донесение датского посланника Пауля Гейнса, въехавшего в Москву вскоре после отъезда Петровского поезда. Гейнс имел инструкции предложить дяде царя Льву Кирилловичу Нарышкину союз против Стокгольма, однако глава московского правительства опередил дипломата. 11 августа 1697 года Нарышкин пригласил Гейнса к себе и после торжественного обеда начал переговоры за закрытыми дверями. О содержании этого диалога дипломат доносил в Данию:

«И вдруг ни с того ни с сего он [Нарышкин] спросил, достаточно ли дружески настроено ваше величество к царю, чтобы помочь ему делом, если он начнет войну». Гейнс ответил, что его король «всегда подавал руку тому, кто просил ее в справедливом деле, не изменит он своему обычаю и теперь... когда надо защищать права обоих государств».

Речь о войне против Швеции, о возвращении России выхода к Балтике.

Этот эпизод отчетливо перекликается с более ранними рижскими событиями весны 1697 года. Рига, принадлежавшая тогда шведам, была первым крупным иностранным городом на пути Великого посольства. Оказавшись здесь, царь внезапно приказал зарисовать городские укрепления и вызнать глубину рвов, что крайне не понравилось губернатору Ливонии Эрику Дальбергу. Петру красноречиво, под угрозой применения оружия, запретили осматривать рижскую твердыню, что он впоследствии представил как один из поводов к началу Северной войны. Но, судя по всему, Дальберг проявил бдительность не без оснований. Видимо, к этому моменту русский государь действительно уже имел **намерение** пробиваться к Балтике.

Хотя Петр и отбил у турок Азов, но без обладания Крымом или хотя бы Керчью выход в Черное море был для России закрыт. Между тем решительное сокрушение Османской империи представлялось делом трудным и возможным только в могущественной коалиции. А вот с этим были проблемы. Козьме Нефимову, правда, удалось склонить Леопольда I к формальному антитурецкому союзу с Петром, но Австрия действовала вяло и все больше смотрела в сторону испанских дел. В Мадриде в это время дышал на ладан бездетный король Карл II, который приходился Леопольду двоюродным братом. Император претендовал наследовать кузену, но тот завещал трон другому родственнику – герцогу Анжуйскому, внуку Людовика XIV, и всем было понятно, что ни одна из сторон не отдаст испанский куш без боя. Петр, политик прозорливый, это сознавал и просто обязан был заблаговременно раздумывать о плане Б: если антитурецкая коалиция развалится и продвижение России к южным акваториям станет невозможным, то нельзя ли вернуть себе побережье Балтики, отошедшее к шведам в 1617 году по Столбовскому миру?

Это представляет визит в Кенигсберг совсем в ином свете: царю было крайне важно узнать настроения бранденбургского курфюрста и одновременно прусского герцога Фридриха III, земли которого граничили со Шведской Померанией³.

³ Шведская Померания – часть исторической области на южном берегу Балтийского моря, захваченная Швецией в ходе Тридцатилетней войны.

Но у Петра была и еще одна цель, не менее важная. Он ехал за наукой, хотел учиться. И в этом смысле именно Пруссия стала для него первым университетом.

Посольство покинуло Москву в марте 1697 года, посетило Шведскую Ливонию и Курляндию, а после направилось в прусскую землю. В то время как основная делегация двигалась посуху, Петр с несколькими спутниками отплыл из Либавы на зафрахтованном любекском корабле «Святой Георгий» в Пиллау, нынешний Балтийск, совершая первое в жизни путешествие по Балтийскому морю. В прусском порту царь пересел на речное судно и в итоге 7 мая прибыл в Кенигсберг, или Королевец, как называли тогда этот город на Руси. Ганноверский посланник Хойш зафиксировал первые слухи о владыке «москвитов», быстро разошедшиеся по городу:

«Владелец корабля, на котором он прибыл, говорит, что на корабле он часто стоял у руля и вел корабль как опытный моряк. Когда они въезжали в так называемую военную гавань, он плыл один на маленьком корабле одного голландца и спрашивал, как называются находящиеся там города и где находится Кенигсберг. Пока кормщик показывал ему местность, он спросил, не лучше ли видны окрестности с мачты, и когда корабельщик ответил ему утвердительно, то он тотчас же взобрался на мачту».

Какой же прусская столица предстала перед взором молодого царя?

Центром Кенигсберга в течение многих лет был мощный старинный замок Тевтонского ордена, возвышающийся над городом на горе. Он был основан в 1255 году, когда германские рыцари покоряли огнем и мечом прибалтийский народ пруссов. Этих последних – частью убитых, частью ассимилированных – давно уже не было; память о них жила только в названии герцогства Пруссия, которым владели потомки суровых тевтонцев, четыре с половиной века назад осуществивших «натиск на Восток». Завоевание прусских земель балтийскими крестоносцами началось в 1217 году и заняло примерно полвека. Особая веха этой истории – крестовый поход в самбийские земли⁴, объявленный папой римским Иннокентием IV: на его призыв откликнулись благочестивые европейские феодалы, в том числе великий магистр Ордена Поппо фон Остерна и богемский король Оттокар II Пшемисл. Во время нашествия местным жителям пришлось несладко; их поражение было окончательно оформлено постройкой грозного орденского замка на месте старого прусского городища Тувангсте. Замок получил название Кенигсберг, то есть «королевская гора»; если верить хронисту Петру из Дусбурга – в честь победоносного и беспощадного Оттокара. Парадокс заключается в том, что в течение столетий Королевской Горой владели отнюдь не короли. В первый приезд Петра не был королем и ее тогдашний хозяин Фридрих Гогенцоллерн (пока только герцог). Не был, но, безусловно, очень хотел им стать.

У нас нет свидетельств, интересовался ли Петр историей замка и германским завоеванием этих земель. Можно предположить, что события XIII века могли вызвать у пытливого русского государя определенные ассоциации: современником Оттокара был святой благоверный князь Александр Невский, который умерил притязания крестоносцев на земли Новгорода и деяния которого царь хорошо знал. Но даже если Петр и подумал о чем-то подобном, то вряд ли где-то упомянул: с точки зрения исторических параллелей для него гораздо важнее была победа Александра над шведами на Неве, чем над германцами – на Чудском озере. Ведь со Швецией он предполагал воевать, а с наследниками тевтонцев – дружить.

Замок Петр Алексеевич застал вовсе не в его изначальном виде. Когда-то это было в первую очередь военное укрепление; ядром постройки выступал угрюмый четырехэтажный Дом рыцарского собрания – Конвента, где жили и молились местные братья-тевтонцы; здание

⁴ Самбия, или Земланд, – историческая область Пруссии, занимающая весь современный Калининградский полуостров.

окружали крепкие стены с башнями и скромные флигели. Однако время не стояло на месте. На смену Средневековой приходила эпоха Возрождения, и новый владетель Пруссии Альбрехт Бранденбург-Ансбахский из рода Гогенцоллернов затеял перестройку мрачной цитадели в ослепительный дворец.

Альбрехт, замечательный человек своего времени, запомнился потомкам как прогрессивный, ловкий политик, успешный преобразователь и покровитель наук. В 1511 году он был избран великим магистром Тевтонского ордена и переехал из Берлина в Кенигсберг, где с 1457 года располагалась столица тевтонцев. Орден между тем пребывал в глубоком кризисе. Язычников вокруг уже давно не наблюдалось, стезя рыцаря более не сулила ни высокого (в средневековых понятиях) служения, ни богатой добычи; утрачивался смысл в самом существовании этой организации. Неудивительно, что о посвящении в братья, сопряженном, ко всему прочему, с обетом безбрачия, мечтало все меньше немецких мужчин. Собственно, и сам Альбрехт вряд ли подался бы в рыцари, но ему не повезло родиться третьим сыном бранденбургского курфюрста, в связи с чем его жизненные перспективы выглядели весьма туманно.

Новый великий магистр пытался ответственно исполнять свои обязанности. Он воевал с Польшей, пытаясь вывести хиреющий орден из-под ее сюзеренитета, установленного после предшествующих болезненных поражений. Успеха лидер не достиг и все больше ощущал внутренний разлад с самим собой.

Однако в это время гроссмейстер услышал про дерзкое учение богослова Мартина Лютера, который обрушился на католическую церковь с критикой устаревших догматов. В разгар духовных терзаний Альбрехт стал искать встречи с опальным проповедником, которая и произошла в 1523 году. Лидер Реформации дал великому магистру рецепт исцеления: «отбросить бессмысленные и глупые правила, взять себе жену и установить в прусских землях ордена политическую власть, превратив их в княжество или герцогство».

Альбрехт исполнил этот совет в точности: в 1525 году Пруссия стала светским государством, а сам он – ее герцогом, способным передать свою власть и титул по наследству. Более того, новосозданная держава сменила веру и стала первой в мире официально принявшей лютеранство. Понтифик предал ее правителя анафеме, но опытным путем выяснилось, что в лютеранских землях католические анафемы утрачивают свою силу.

Менялись времена, менялся и замок. Вместо узких бойниц появлялись широкие окна, на смену аскетичным кельям приходили большие комнаты, в Восточном флигеле были созданы блестящие аристократические покои – так называемый дом Альбрехта, а в Северном флигеле появился представительный зал для приемов, известный под именем *Moskowitergemach*, Покои московитов. Название появилось после переговоров Альбрехта с послами великого князя московского Василия III, отца Ивана Грозного, о союзе против Польши. Что касается Дома Конвента, то его сначала перестроили под нужды разных государственных служб, а при наследниках Альбрехта и вовсе снесли: его Петр Великий уже не увидел.

Над воротами Кенигсбергского замка при Альбрехте появилась комната, в которой разместили так называемую Серебряную библиотеку – уникальное книжное собрание, которое являлось предметом отдельной гордости герцога и его преемников. Откуда такое любопытное название? Все дело в том, что в 1550 году родоначальник прусских герцогов и заядлый библиофил вторым браком женился на юной Анне-Марии Брауншвейг-Каленберг-Геттингенской⁵. Цветущая невеста привезла в Кенигсберг новые книги, и Альбрехт заказал для них двадцать баснословно дорогих, искусно выполненных серебряных переплетов. Они и дали имя легендарному собранию. К сожалению, часть его исчезла во время Второй мировой войны,

⁵ Первой супругой герцога была Доротея Прусская. У четы родилось шесть детей, но только двое мужского пола, и оба умерли во младенчестве.

другая часть ныне находится в Польше. Впрочем, одна из книг Серебряной библиотеки благодаря Петру и его дочери оказалась в России, но об этом чуть позже.

Жизнь округа веками складывалась вокруг замка. С течением времени рядом с рыцарским оплотом выросло три городка: Альтштадт, Лебенихт и Кнайпхоф. К моменту приезда Петра они практически слились воедино, но сохраняли свою автономность, и общее название Кенигсберг пока что распространялось на них неофициально. Юридически их объединение будет оформлено только в 1724 году.

Петр Михайлов остановился в Кнайпхофе, расположенном на одноименном острове реки Прегель (сегодня это остров Канта). Пристанищем царя-урядника стал дом местного торговца Христофора Негеляйна, который позже станет кнайпхофским бургомистром.

Постоялец Негеляйна ежедневно созерцал здание расположенного неподалеку Кенигсбергского университета, названного по имени основателя – все того же герцога Альбрехта – Альбертиной.

Университет Королевца по европейским меркам был молод. В отличие от средневековых Болонского (1088), Оксфордского (1096), Парижского (1180), Падуанского (1222) или Ягеллонского (1364) университетов он открыл свои двери для студентов уже в Новое время. Это случилось в 1544 году, через девяносто девять лет после изобретения книгопечатания, сорок шесть лет после открытия Америки и через год после выхода книги Коперника «О вращении небесных сфер». К моменту открытия Альбертина была самым восточным университетом Европы и сохраняла это положение к 1697 году. Здесь действовало четыре факультета: теологический, медицинский, юридический и философский. В первую очередь в Альбертину приезжали учиться сторонники протестантского вероисповедания.

Положение студента сопрягалось с массой особенностей и даже привилегий: достаточно сказать, что он был неподсуден городскому законодательству, а либеральные законы самих университетов кружили голову и открывали широкую свободу для прямо-таки асоциального поведения за стенами учебного заведения. В джентльменский набор студизусов очень часто входили пьянство, хамство, задиристость, драчливость... и бретерство. Да-да, дуэль на шпагах и, как следствие, смерть в ее результате – это обыденность студенческой жизни XVI и XVII веков. Первая документированная студенческая дуэль германского мира произошла именно в Кенигсберге в 1546 году, и царь во время своего приезда еще мог встретить возле дома Негеляйна молодых людей со шрамами, оставленными ударом клинка.

Здесь же, на Кнайпхофе, высился (и, к счастью, продолжает) впечатляющий Домский собор Богоматери и Святого Адальберта, главный храм города. Построенный в стиле балтийской готики, он был завершен в год Куликовской битвы – 1380-й⁶. Помимо Девы Марии, храм прославляет христианского миссионера, который происходил из чешского рода князей Славниковичей и носил от рождения имя Войтех.

В Адальберта Войтех превратился во время миропомазания, совершенного его духовным наставником Адальбертом Магдебургским, знаменитым проповедником и первым христианским епископом, приезжавшим на Русь – ко двору княгини Ольги. Весной 997 года будущий святой, а пока что просто Адальберт отправился проповедовать Слово Божие в земли пруссов. Делал он это в сопровождении только двух спутников, и в результате принял мученическую смерть от воинственных язычников. Покровитель и друг миссионера польский король Болеслав Храбрый выкупил его останки. В 999 году Адальберта канонизировали, а поскольку произошло это до разделения церквей (в 1054 году), то этого святого на самых законных основаниях почитают и православные.

⁶ Это дата завершения строительства нефа. Расписывался собор в начале XV века, а колокольни были возведены в середине XVI.

В соборе был похоронен герцог Альбрехт; позже там стали погребать профессоров университета (последним этой чести удостоится как раз Кант в 1804 году).

Конечно, царю довелось прогуляться или проехать по знаменитым кенигсбергским мостам через Прегель, соединяющим разные части города. Всего мостов было семь. Лавочный, возле которого шла бурная торговля. Зеленый, рядом с которым почтальон выдавал горожанам корреспонденцию. Рабочий, который был поставлен дополнительно для перевозки грузов. Кузнечный, рядом с которым трудились кузнецы. Деревянный мост и Высокий мост, чьи названия отражают их определяющие качества. И наконец, Медовый мост, который, по легенде, был оплачен не деньгами, а бочонками меда; якобы так владелец медовой лавки сократил покупателям путь до своего заведения. Впрочем, иные считают, что это название восходит вообще не к слову Honig – «мед», а к слову Hon – «насмешка». Якобы, построив этот мост, ведущий на остров Ломзе, обитатели Кнайпхофа посмеялись над соседями из Альтштадта, потому что раньше на Ломзе можно было попасть только кружным путем через них и альштадцы от этого слишком задавались. Бог знает как там было на самом деле: эта версия тоже похожа на туристическую байку.

Замысловатое расположение мостов породило легендарную математическую задачу – один из тех феноменов, которыми Кенигсберг прославился на весь мир. Задача звучит так: можно ли совершить прогулку по кенигсбергским мостам, не проходя по любому из них дважды? Ответ: нельзя. Как это связано с Петром Великим? Прямо. Математически задачу о кенигсбергских мостах решил в 1735 году гениальный Леонард Эйлер, а произошло это... в Петербурге. Математик был академиком Петербургской академии наук, основанной первым российским императором; именно в ее трудах состоялась публикация статьи, с которой ведет отсчет математическая теория графов.

Особо важное петровское место в Кенигсберге – Фридрихсбургская крепость. Сегодня от нее остались только ворота, да и то перестроенные; в начале же XVIII века это был отвечающий велениям времени, надежный элемент обороны прусской столицы, созданный по приказу Великого курфюрста. Фридрихсбург представлял из себя квадрат, составленный из земляных валов-куртин с четырьмя пятиугольными бастионами по углам. Петр зачастил сюда, и, в отличие от Риги, никто его не гнал, совсем наоборот.

Государь с ранних лет интересовался артиллерийским искусством, и его первые опыты в этом деле связаны с историей потешных полков. Но в Пруссии у царя появилась возможность поучиться у отличного военного профессионала, и Петр не преминул ей воспользоваться. Он поступил на обучение к опытнейшему инженеру подполковнику Штейтнеру фон Штернфельдту. Впоследствии наставник прислал способному ученику в Москву диплом со словами: «Господина Петра Михайлова признать и почитать за совершенного в метании бомб острогожного и искусного огнестрельного мастера и художника». Но не артиллерией единой: корпел Петр и над фортификацией. Отчасти под влиянием образца Фридрихсбургской крепости будут спроектированы Кронштадт – русская морская крепость на острове Котлин в Финском заливе – и Новодвинская крепость в Архангельске.

В конце XVII века Кенигсберг населяло около сорока тысяч жителей, в два раза больше, чем Берлин, но в пять раз меньше, чем Москву. Основная масса исповедовала лютеранство, хотя после Вестфальского мира, закончившего религиозную резню Тридцатилетней войны, здесь охотно принимали и католиков, на которых были распространены гражданские права. Единственное, чего они не могли, – стать преподавателями Альбертины. В похожем положении находились иудеи, которым было разрешено построить себе синагогу. Хуже всего приходилось кальвинистам, последователям протестантского проповедника Жана Кальвина, который многие вещи толковал иначе, чем Лютер. Их в университет не принимали даже студентами, а кальвинистская церковь находилась за пределами городской черты. В ходу была поговорка «лучше паписты, чем кальвинисты». Что касается православных, то, судя по заверениям прусских

послов, на них распространялась политика равноправия, аналогичная отношению к католикам. Однако православная община Кенигсберга была так малочисленна, что ее члены не испытывали нужды в строительстве отдельного храма. Дипломаты упоминали лишь существование отдельных частных домов, где проходили православные богослужения. Православных студентов в Альбертине в допетровское время, похоже, просто не было.

В городе шла бойкая торговля, небольшие суда привозили по Прегелю в Кенигсбергский порт из приморского Пиллау товары со всех концов света. Строились богатые купеческие дома и роскошные аристократические усадьбы, открывались кофейни, выходили газеты. Вместе с тем в этой жизни, которая так напоминает нашу, еще было немало темных сторон, связанных с дикостью и суевериями. В деревне лютовало крепостное право. Распространенным способом казни оставалось колесование, когда осужденного раскладывали на колесе и железным ломом разбивали ему все крупные кости тела. В 1697 году в Кенигсберге последний раз сожгли ведьму: ей было четырнадцать. Старое и новое перемешивалось.

От конца XVII века сохранилось не так много текстов, как нам хотелось бы. Многие ценные разговоры и суждения исторических фигур не были зафиксированы на бумаге и канули в Лету. Однако, зная интересы и характер Петра Великого по другим источникам, мы можем предположить, о чем он мог вести беседы с Негеляйном и образованными жителями Кенигсберга.

Живой интерес царя должна была вызвать история Пруссии как протестантского государства, а также отношения герцога Альбрехта с Мартином Лютером. Ведь позднее Петр неоднократно будет высказывать симпатию к личности знаменитого реформатора западного христианства. Так, приехав в 1712 году в Виттенберг, русский монарх пожелает посетить дом-музей Лютера.

«Мне надобно это осмотреть, – пояснит царь. – Я слышал много доброго об этом почтенном человеке, который так отважно восстал против Папы со всем его войском, к великой пользе своего Государя и многих других владетелей, которые были умнее прочих». Упразднение в России патриаршества и постановка церкви под полный контроль государства будут, несомненно, осуществлены Петром под влиянием Лютеровых идей.

«Много доброго об этом почтенном человеке» царь мог услышать в том числе и в Пруссии, где, между прочим, нашли свое упокоение дети Лютера. Негеляйн и тем более герцог Фридрих прекрасно знали, что в Альтштадтской кирхе Кенигсберга похоронен старший сын богослова Иоганн. Отпрыск преобразователя, скажем честно, звезд с неба не хватало. После смерти отца он приехал в Кенигсберг, рассчитывая получить здесь образование за счет стипендии герцога Альбрехта. Приверженность последнего лютеранству позволяла надеяться на такую милость, а кроме того, имелись и другие семейные связи. Преемником Лютера во главе Реформации стал его друг Филипп Меланхтон, дочь которого состояла в браке с ректором Кенигсбергского университета филологом Георгом Сабинусом. Неудивительно, что при поддержке герцога, да еще и ректора, Иоганн в 1550 году начал бесплатное обучение в Альбертине. Однако его присутствие на берегах Прегеля продлилось недолго. Уже в 1551-м разгневанный Альбрехт выразил матушке Ганса недовольство поведением ее первенца:

«Мы полагали, что наши милостивые намерения не будут использованы в иных направлениях, и ожидали от него учебы, хотя бы ради приличия. Теперь же мы не можем поступать и далее так потому, что он участвовал в каких-то подозрительных торговых делах и пребывал в праздности».

Иоганну пришлось убраться. Однако на излете жизни сын Лютера вновь обосновался в Кенигсберге. В 1571 году носитель знаменитой фамилии опять прибыл в прусскую столицу и попытался устроиться на новом месте. Однако тщетно: Альбрехт уже умер, а личных связей переселенца не хватало для получения хорошей должности. Известно только, что он был зачис-

лен в сотрудники университета. В 1575 году Иоганн скончался, пребывая в довольно стесненных обстоятельствах. Его хоронили за счет Альбертины, благо новым ректором был родственник покойного доктор Иоганн Виганд, женатый на внучатой племяннице Мартина Лютера.

Гораздо дольше, чем Иоганн, в Пруссии жила младшая дочь Лютера Маргарита. Она вышла замуж за представителя знатнейшей местной семьи фон Кунхаймов. Отец ее мужа служил комендантом замка в Тапиау и был на очень хорошем счету у герцога Альбрехта. Когда в 1541 году фон Кунхайм-старший тяжело заболел, Альбрехт пригласил для его лечения известного европейского врача и по совместительству астронома Николая Коперника, который прибыл в Кенигсберг и поставил своего пациента на ноги. Не исключено, что попутно Альбрехт вербовал великого ученого в протестанты и профессора уже задуманной им Альбертины (увы, безрезультатно). Кстати, в Калининграде есть улица Коперника, одна из немногих, сохранивших старое название после присоединения города к Советскому Союзу.

Маргарита вышла замуж за Георга фон Кунхайма летом 1555 года. Она прожила тридцать шесть лет и подарила мужу девяти детей. Погребли ее в кирхе города Мюльхаузена (ныне это поселок Гвардейское), которая сохранилась до наших дней и в которой сейчас действует лютеранский храм. Сложно поверить, но и в России есть конкретное место, прямо связанное с Мартином Лютером, одним из величайших героев западноевропейской истории.

О чем еще несомненно, расспрашивал Петр своих собеседников в Пруссии, так это о кораблях, мореплавании и создании флота.

Такие беседы были для него тем интереснее, что, в отличие от Англии, Франции, Голландии или Испании, Пруссия обзавелась флотом совсем недавно, при отце нынешнего правителя, Великом курфюрсте, фигура которого также должна была представить интерес для русского царя: слишком уж многое из его деяний напоминает последующие реформы самого Петра.

Великий курфюрст Фридрих Вильгельм приходился герцогу Альбрехту праправнуком – но не по мужской, а по женской линии. Единственный сын первого герцога Пруссии Альберт Фридрих, отличавшийся слабым умом, не имел сыновей. Поэтому ему наследовал муж старшей дочери Анны Иоганн Сигизмунд – дальний родственник из того же рода Гогенцоллернов, носивший титул курфюрста Бранденбургского. Брак оказался судьбоносным, определившим векторы мировой истории: их сын Георг Вильгельм получил от родителей и Пруссию со столицей в Кенигсберге, и Бранденбург со столицей в Берлине. Два немецких государства, несмотря на отсутствие общей границы, под его началом постепенно стали объединяться в одно.

А в 1640 году на престол взошел двадцатилетний наследник Георга Вильгельма – Фридрих Вильгельм: именно он и получил прозвище Великий курфюрст. Стоит уточнить, что курфюрстом он был именно в Бранденбурге. Это титул князя Священной Римской империи, который участвует в выборах императора. Однако Пруссия, вассальная Польше, частью империи не была, и здесь Фридрих Вильгельм носил титул герцога, как и его предок Альбрехт.

Почему же этот курфюрст стал Великим? Перечислим его основные заслуги, которые, если приглядеться, весьма перекликаются с делами самого Петра.

Первое. Наголову разгромил шведов в решающей битве. Словосочетание «сражение при Ферберлине» ничего не скажет русскому читателю. Но если мы назовем его Прусская Полтава – станет понятнее. В 1672 году, в год рождения Петра Великого, Людовик XIV начал войну против Голландии. Между прочим, именно в ней при осаде Маастрихта 25 июня 1673 года погиб Д'Артаньян. При чем тут Фридрих Вильгельм? Он был союзником голландцев и двинул свою армию им на помощь. «Король-солнце» попытался подкупить Гогенцоллерна, и вроде бы стороны достигли соглашения по сепаратному Фоссенскому миру, но более щедрые дары из Гааги и дружественной ей Вены внезапно склонили курфюрста к верности союзническому долгу. Тогда Людовик ввел в действие план Б: он побудил шведскую корону ударить по беззащитному Бранденбургу из Померании. Узнав о вторжении, Фридрих Вильгельм молниеносно развернул армию и проделал форсированный 250-километровый марш назад. Появление

курфюршеского войска стало полной неожиданностью для расслабленных шведов. 18 июня 1675 года Фридрих Вильгельм феерически разгромил их, после чего, собственно, и получил знаменитое прозвище. Но будет справедливо указать на другие примеры его неоспоримых успехов.

После Тридцатилетней войны, закончившейся в 1648 году, население Бранденбурга-Пруссии поредело, и, чтобы исправить это, Фридрих Вильгельм широко приглашал в свои владения иностранцев, особенно предпринимателей и специалистов-профессионалов. На его призыв откликнулось около двадцати тысяч французских гугенотов и множество голландцев, которые создавали на землях правителя самые современные и совершенные мануфактуры, от шелковых до зеркальных. Это в сочетании с высокими пошлинами на ввоз иностранных товаров (вот она, поддержка отечественного производителя!) дало сильный толчок развитию бранденбургско-прусской экономики. Дополнительно нажав на крестьянство, Фридрих Вильгельм получил средства для создания крепкой боеспособной армии численностью около тридцати тысяч солдат. Без этого победа при Фербеллине была бы невозможна.

Фридрих Вильгельм добился нового статуса для своей державы. Нет-нет, на карте Европы не появились Бранденбургская или Прусская империи. Все было более скромно, но не менее эффективно: благодаря первоклассному политическому маневрированию умный политик освободил Пруссию от вассальных отношений с Польшей. Сначала, в Тридцатилетней войне, он поддерживал Швецию и добился от Стокгольма признания независимости герцогства. Потом тайно сблизился с ослабленной и разбитой Варшавой и променял свою поддержку на официальный отказ поляков от претензий на бывшее положение сюзерена Пруссии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.